

кое время до 200 турецких всадников. Заметив, что рыцари берут над ними верх, турки пачали стараться ранить лошадей стрелами, и таким образом спешили могучих атлетов Христа.

XXII. Вальтер Неимуший пал, пораженный семью стрелами, которые пропзили его панцирь и дошли до самого сердца. Райнольд из Брся и Фулько Шартрский (Carnutensis), мужи именитые в своих странах, испытали ту же мученическую смерть под ударами неприятеля; но они пали, нанеся и туркам чувствительную потерю. Вальтер из Брегейля, сын Валерамна, и Готфрид Бурель, начальник пехоты, успели убежать кустарниками и чащами и присоединились к армии в узком проходе, где она стояла, не принимая участия в бою. Пилигримы лишь только узнали о их бедствии и поражении, бросились спасаться по дороге к Цивитоту, по той самой, которой они пришли, не заботясь нисколько о защите от неприятеля. Турки же, торжествуя свою победу, преследовали несчастных пилигримов и умерщвляли их, папося им смерть на пространстве трех миль, до самого лагеря Петра. Ворвавшись в лагерь, они поражали мечом слабых, больших, клериков, монахов, пожилых женщин, грудных детей, не щадя никакого возраста и сохраняя в живых только молодых девиц и монахинь, черты и красота которых производили на них впечатление; они увозили с собой также несовершеннолетних юношей, отличавшихся особенно красивым лицом; равным образом они увезли в Никсию серебро и одежды и овладели лошаадьми, мулами и всеми драгоценными вещами, даже палатками. На морском берегу, недалеко от Цивитота, находится древняя и оставленная крепость, туда-то и бросились три тысячи пилигримов в надежде укрыться в ней. По не найдя там ни ворот, ни застав и не имея никакой помощи, в страхе за жизнь они заложили вход щитами, накатили громадных камней и мужественно защищались коньями, деревянными луками, бросая каменья рукой. Турки, не видя возможности добраться до осажденных, окружили укрепление со всех сторон, и так как оно не имело кровли, то на-

чали бросать стрелы на воздух, чтобы они, падая сверху, могли поражать и убивать несчастных и чтобы остальные, утрашенные тем, принуждены были сдаться. Говорят, что действительно многие христиане были ранены и убиты таким образом; но так как они еще более боялись жестокости со стороны нечестивых, то ничто не могло заставить их решиться выйти из укрепления.

XXIII. Солнце достигло половины пути, когда христиане вопли в укрепление и турки напали на них. Но так как первые защищали свою жизнь мужеством, то никакие ухищрения неприятеля, ни самый мрак ночи не могли принудить их оставить свое убежище. Накопец какой-то грек, верующий и католический, ночью переправился за море и рассказал Петру, находившемуся еще в столице, о бедствиях, которые испытываются его спутниками, и о поражении всей остальной его армии. Узнав о том со скорбным сердцем, Петр отправился молить императора, Христа ради, о помощи той жалкой горстки пилигримов, последнему остатку от стольких тысяч народу, и не допустить их погибнуть без утешения и в терзаниях под ударами тех палачей. Император был тронут, услышав рассказ Петра и узнав, что его спутники осаждены, и приказал собрать отовсюду *туркополов* и другие войска из всех наций своего государства; им было повелено с поспешностью переплыть пролив, помочь бежавшим и осажденным христианам и принудить турок снять осаду. Действительно, турки, узнав об указе императора, ночью оставили крепость и увели с собой плешных и с ними добычу. Таким образом, запертые и осажденные пилигримы-рыцари спаслись от рук нечестивых.

В главах XXIV и XXV автор, окончив рассказ о судьбе армии Петра и Вальтера Неимушего, возвращается в Европу, чтобы описать новый поход немецкого священника Готескалька с 15 тысячами лотарингов, швабов, бавар и других; но все они почти до одного человека погибли в Белграде от рук венгров за бесчиства, которым они предавались в стране. После того автор переходит к описанию похода графа Эмика, который отличался от всех предыдущих походов.